

Однако это происшествие заставило Фан Цзиня проявить бдительность. Раньше он всегда думал, что Система — это нечто вроде компьютерной программы, лишённая субъективных эмоций и личных мотивов, но после случившегося он больше так не считал.

Судя по словам Сяо Чжа и его разнообразным поступкам, этот Сяо Чжа явно обладал эмоциями, личными интересами и рефлекторными реакциями, до боли напоминавшими человеческие.

У него даже зародилась дерзкая мысль. С учётом его прежних догадок насчёт Небесного Пути, Фан Цзинь чувствовал, что его могли втянуть в грандиозный заговор — заговор, исходивший от самого этого мира.

С этого момента уровень осторожности Фан Цзиня достиг критической точки.

— Сяо Чжа, выкати-ка свой экран.

— ...Хорошо, — последовал крайне неуверенный ответ. Сейчас он смертельно боялся Фан Цзиня.

Стоило экрану появиться, как Фан Цзинь усмехнулся: ну конечно, в этом злосчастном сундуке с секретами ещё оставалось кое-что скрытое от него.

Едва Система успела отреагировать, Фан Цзинь напрямую нажал на очень искусно запрятанную кнопку.

Впрочем, в тот самый миг, когда Фан Цзинь нажал на неё, он почувствовал, что Система отключилась.

Как же прекрасна тишина в мире!

Поэтому Фан Цзинь из чистого каприза оставил Систему в покое на всю ночь. Некоторые ответы откроются завтра.

Фан Цзинь спал на удивление крепко... шучу, хотя, конечно, не стоило спешить с выводами.

На следующий день косые лучи утреннего солнца заглянули в комнату. Золотистые и тёплые, они ласково будили мирно спавшего на кровати человека.

Внутренние часы Фан Цзиня, всегда отличавшиеся отменной точностью, быстро своё отработали, и он неторопливо проснулся.

Что ж, ночь выдалась на редкость спокойной.

Хорошо выспавшись, Фан Цзинь был в исключительно приподнятом настроении. Он включил световой экран, снова нажал кнопку и отключил основные функции Системы.

— Ах, великий хозяин, как ты мог поступить так? Как ты мог запросто заблокировать Систему? Если вдруг случится опасность, и не будет... — Система замолчала. Великий хозяин слишком умел защищаться.

— Это что, кнопка функции блокировки?

— Э-э... — у Системы внезапно появилось дурное предчувствие.

Что делать, если хозяин слишком стремителен и Система не справляется? Срочно!

Что делать, если Система до смерти перепугалась и лишилась дар речи?

— Великий хозяин, Сяо Чжа больше так не будет, умоляю, прости!

Его плаксивый голосок мог бы разжалобить кого угодно, но Фан Цзинь, уже давно научившийся быть начеку, больше ни за что не поверил бы ему так легко.

Фан Цзинь примерно догадывался, что эта так называемая Система куда человечнее любой известной ему программы. Она даже была способна, исходя из объективной реальности, по максимуму выторговывать выгоду для себя. И хотя порой её соображения казались мелкими, это ничуть не мешало бдительности Фан Цзиня взлететь до небес.

Теперь, вместо того чтобы воспринимать Сяо Чжа просто как Систему, Фан Цзинь был скорее склонен видеть в нём человека, партнёра по бизнесу, чьи истинные намерения оставались покрытыми мраком.

Если этот партнёр понимает суть взаимовыгоды и умеет обуздывать свои желания ради достижения общих целей, Фан Цзинь не возражал бы позволить ему получить заслуженную долю. Но стоило такому партнёру затаить дурные замыслы, как Фан Цзинь заранее приносил свои извинения...

Впрочем, судя по внутренним подозрениям Фан Цзиня насчёт Небесного Пути, возможно, то, что творил Системный Сяо Чжа, шло вразрез с Небесным Путём. И по испугу Сяо Чжа Фан Цзинь уже окончательно утвердился в своей догадке. В этом вопросе у него было достаточно уверенности, чтобы прижать к ногтю эту нечистую на руку Систему.

— Сяо Чжа, как думаешь, если я провалю задание, тебя ведь тоже постигнет наказание?

— Э-э, это... — Всё, приплыли, это точно начало конца!

— Сяо Чжа, у тебя есть что сказать?

— У-у-у, великий хозяин, Сяо Чжа осознал свою ошибку, умоляю, ну прости меня, у-у-у...

Фан Цзинь совершенно не устраивал подобный ответ Сяо Чжа, а раз не устраивал — ну и ладно, так что Фан Цзинь просто оставил жалобные причитания Сяо Чжа без всякого ответа.

Наконец, не услышав в бесконечных жалобах Сяо Чжа ни малейшего намёка на раскаяние, Фан Цзинь взорвался, резко вызвал световой экран и со злостью вдавил кнопку блокировки.

Вопли мгновенно замолкли — заблокированный Сяо Чжа лишился голоса. Он действительно чувствовал, что ему конец, и он сам себя загнал в могилу.

Фан Цзинь не был придирчивым человеком, но к этому вопросу он относился с предельной серьёзностью. Умри он — и ладно, но раз у него всё ещё оставался шанс выжить иным способом, то любая попытка навредить ему в каких-либо аспектах приравнивалась к убийству.

Раз уж Система собиралась повсюду сопровождать его, он был обязан изо всех сил защищать себя. Если даже этого нельзя было гарантировать, Фан Цзинь просто не смог бы обрести душевный покой.

Пожалуй, стоит поддержать Сяо Чжа в режиме игнорирования ещё немного. Утвердившись в своих мыслях, Фан Цзинь приступил к проживанию этого дня. Обладая опытом предыдущего дня, всё у него шло довольно гладко. Единственным небольшим отличием было то, что в часы досуга от работы Фан Цзинь, казалось, постоянно находился в центре внимания зевак, к тому же некоторые люди поднимали телефоны и тайком снимали его.

Фан Цзинь вздохнул, но пресекать это не стал. На самом деле он понимал, что в подобной ситуации для него нет ничего плохого.

Напротив, если удастся еще и повысить свою популярность, это в определенных аспектах даже прибавит ему безопасности.

Закончив работу, Фан Цзинь из-за событий прошлого дня пока не хотел слишком сильно с кем-либо контактировать, особенно с теми опасными личностями.

Прежде Фан Цзинь думал, что денег у него на руках и впрямь кот наплакал. Помимо наличных в кармане, у прежнего хозяина тела имелась кредитная карта, привязанная к мобильному телефону. Вчера Фан Цзинь уже проверил баланс, но сумма повергла его в сильнейший шок: целых сто тридцать тысяч. Для семейного положения прежнего владельца такая сумма была поистине огромной. Откуда вообще взялись эти деньги?

Покопавшись в сюжете и воспоминаниях прежнего хозяина, Фан Цзинь испытал глубокую растерянность: оказалось, что все эти деньги дала Вэнь Цзе. До того как прежний владелец повстречал главную героиню, за ним не водилось особых грехов — разве что некоторая своенравность, и всё разладилось лишь после встречи с ней.

Размышляя так и эдак, Фан Цзинь неизменно ловил себя на мысли: а не существовало ли такой вероятности, что главная героиня попросту воспользовалась прежним хозяином?

По мере того как шло время, эмоции, связанные с воспоминаниями прежнего владельца, день ото дня становились всё ярче и чётче. Более того, при столкновении с причастными к ним людьми эти ощущения обострялись еще сильнее, что имело первостепенное значение для изучения прошлого опыта прежнего хозяина.

Фан Цзинь был человеком эмоциональным и прекрасно понимал, что сами задания, по сути, отражают те или иные чаяния прежнего владельца. Однако у Фан Цзиня имелись и другие соображения: существовала вероятность, что прежнего хозяина обманули, и именно эту справедливость Фан Цзинь хотел восстановить ради него.

Чем острее становились чувства прежнего владельца, тем сильнее нарастали подозрения Фан Цзиня.

По меньшей мере эта главная героиня Вэнь Цзе — далеко не простой человек, и уж точно не такая прямолинейная и честная, какой она казалась в сюжете.

Фан Цзинь помассировал виски и вышел с места работы. Сегодня ему захотелось просто побродить по этому огромному студгородку и развеяться.

Настроение после перерождения, честно говоря, было совсем не легким.

Шаг за шагом Фан Цзинь и сам не заметил, как забрел на баскетбольную площадку.

Там как раз шла весьма жаркая игра.

Фан Цзинь не слишком разбирался в баскетболе, но, наблюдая за матчем, всё же проникся царившей вокруг него искрящейся, лучезарной атмосферой и не смог сдвинуться с места.

Ветерок легко и прохладно овеивал лицо, успокаивая разлитый вокруг зной, но сердце Фан Цзиня тихонько пылало, сочетая в себе безмятежность и страсть.

На фоне заката проступили слегка размытые черты лица. Взгляд Ань Цзыцзе постепенно углублялся, тая в себе смесь святости и очарования. Чуть удлиненные черные пряди послушно спадали на чистое лицо, а темные, глубокие глаза казались абсолютно черными, но при этом чистыми донельзя, без единой примеси. Стоило ему слегка перевести взгляд, как вокруг

повеяло безмятежной прохладой, молчаливо приковывая к себе чужие взоры.

Он походил на ангела, соблазненного грехопадением, — несущего темную невинность и притягательного до крайности.

Ань Цзыцзэ был соблазнен, не так ли?

— Цзинь? — это прозвучало почти как бред наяву, словно он преодолел тысячелетия, лишь бы наконец встретиться с ним.

Голос, раздавшийся за спиной, заставил Фан Цзиня сильно вздрогнуть.

Он торопливо обернулся и, разглядев того, кто произнес эти слова, с чего-то вдруг успокоился.

— Ань Цзыцзэ.

Фан Цзинь безошибочно назвал имя собеседника, однако на душе у него скребли кошки. Эта странная смесь чувств казалась ему совершенно чуждой и заставляла истово желать бежать куда глаза глядят. У него возникло жуткое предчувствие: если он не уберется от этого человека подобру-поздорову, то рано или поздно тот проглотит его целиком, не оставив и мокрого места.

В оригинальном сюжете и воспоминаниях прежнего хозяина Ань Цзыцзэ не играл никакой заметной роли. Фан Цзинь знал о нем лишь то, что тот входит в тройку главных красавцев Университета Айгалос, а его смазливая внешность гремела на весь кампус. В стенах этого учебного заведения подобный статус — далеко не пустой звук: такая слава сулила большой объем ресурсов и возможностей для выхода в большой мир. И тем не менее при всей популярности присутствие этого парня казалось едва заметным.

Пожалуй, причиной тому служило его более чем благополучное происхождение: вместо того чтобы отчаянно бороться за всевозможные шансы, он предпочитал наслаждаться текущей, относительно праздной жизнью. К тому же он от нечего делать открыл небольшую парикмахерскую — действительно просто так, от скуки.

В конце концов, перед Ань Цзыцзэ любые возможности всегда лежали на блюдечке — ему предстояло унаследовать семейный бизнес.

Впрочем, вряд ли это сильно помешает ему выполнить задание, наверное. Ань Цзыцзэ бросил взгляд на Фан Цзиня, даже не подозревая, что за эти несколько секунд тот успел мысленно разобрать всю его прошлую и нынешнюю жизнь по косточкам. Впрочем, он догадывался, что Фан Цзинь мысленно его критикует, но вовсе не возражал. Напротив, ему ужасно хотелось, чтобы мысли Фан Цзиня были целиком и полностью заняты им самим.

Ань Цзыцзэ внезапно подался вперед, мгновенно сократив расстояние между ними.

Выражение лица Фан Цзиня тут же изменилось. Хотя этот человек вряд ли мог помешать выполнению его задания, его взгляд вызывал у Фан Цзиня сильнейший дискомфорт.

Если бы только была возможность, он бы с удовольствием врезал этому типу кулаком и прогнал прочь.

— Цзинь, зови меня просто Цзыцзэ. Или даже Цзэ.

Глядя на это лицо, озаренное какой-то загадочной улыбкой, Фан Цзинь отчаянно захотел отступить подальше.

Ань Цзыцзэ с таинственным видом бросил взгляд за спину Фан Цзиня, туда, где располагалась баскетбольная площадка, и вдруг улыбнулся:

— Цзинь, не хочешь сыграть в баскетбол?

Уголки губ Фан Цзиня едва заметно дрогнули.

— Я не умею.

Подразумевалось: мне неинтересно, и перестань просто так ко мне приставать.

— О? — В его голосе послышалось легкое неверие, но Ань Цзыцзэ лишь прикоснулся пальцем к собственным губам, а в его глазах блеснуло легкое кокетство. — Ты не умеешь играть в баскетбол?

Какая неожиданная находка.

— То, что я смотрю со стороны, еще не значит, что умею играть.

Не мог бы ты просто перестать ко мне приставать?

— Ничего страшного.

На его лице застыла странная улыбка, и одна рука неожиданно легла на плечо Фан Цзиня. Он мягко произнес:

— Не переживай, я тебя научу.

В голове Фан Цзиня билась лишь одна мысль: ему безумно хотелось врезать этому парню.

— Неинтересно.

Холодный ответ.

— Хе-хе...

Хотя Фан Цзинь выглядел сущим воплощением раздражения, Ань Цзыцзэ чувствовал себя удивительно счастливым.

Фан Цзинь с окоченевшим лицом отодвинулся в сторону, но это не принесло никакого результата. Ань Цзыцзэ тут же естественным образом придвинулся обратно, и даже бесцеремонно запустил руку в волосы Фан Цзиня, принявшись их рассеянно перебирать.

Лицо Фан Цзиня побледнело еще сильнее. Он ни за что не признался бы вслух, что его поглаживание по голове и успокаивающие ласки на самом деле были... довольно приятными. Кажется, с давних пор он уже не испытывал ничего подобного — чтобы кто-то вот так утешал его.

Попытавшись припомнить, он понял, что, пожалуй, с того самого момента, как покинул родной дом и отправился навстречу университету и собственной взрослой жизни, в его жизни больше не было ничего подобного. Быть может, его душа была пуста и одинока.

Именно поэтому, хоть Фан Цзинь и чувствовал себя неуютно, он все же беззащитно принял эту доброту с неясными целями.

Ну просто капризный котик!

Словно уловив какую-то скрытую черту в характере Фан Цзиня, Ань Цзыцзэ с поразительным пониманием дела принялся «гладить его против шерсти». Видя, как тот послушно позволяет трепать себя по волосам и вот-вот готов превратиться в домашнего кота, Ань Цзыцзэ вдруг озарил его мягкой, донельзя балующей улыбкой.

Воспользовавшись моментом, Ань Цзыцзэ резко притянул его к себе, заключив в крепкие, но нежные объятия.

На секунду Фан Цзинь потерял дар речи. Но стоило ему прийти в себя, как из глаз помимо его воли хлынули слезы. Казалось, вместе с этим объятиями наружу вырвалась вся та слабость, что так долго пряталась за фасадом напускной стойкости из прошлой жизни, вмиг выйдя из-под контроля.

Заметив, что заключенный в его объятия человек мелко и неудержимо дрожит, Ань Цзыцзэ изменился в лице. Он перестал безмятежно наслаждаться моментом: ну обнял он его, в конце концов, даже при сильной неприязни не стали бы люди сразу из-за этого реветь?

Ань Цзыцзэ впервые за свои почти двадцать лет жизни испытал такую растерянность.

— Цзинь, Цзинь, ты в порядке? — он торопливо поднял обе руки, совершенно не представляя, что делать.

В тот самый миг, когда объятия разомкнулись, Фан Цзинь вернул контроль над своим телом. Опираясь на многолетний опыт прошлой жизни и остатки хрупкой гордости, он быстро заставил себя остановить слезы, словно это не он только что рыдал вопреки всякой воле.

Фан Цзинь уже собирался повернуться и что-то сказать, как Ань Цзыцзэ вдруг снова схватил его за руку — с такой отчаянной, мертвой хваткой, словно никогда в жизни не отпустил бы.

— Я здесь. Я всегда буду рядом.

Поэтому ему не нужно от него прятаться.

Фан Цзинь замер. У него был довольно свое, непростой нрав, да и гордость была хрупкой: стоило кому-то заметить его слабость, как он инстинктивно сбегал, хотя в глубине души испытывал огромную благодарность к тому, кто пытался его утешить.

Если бы этот человек из-за подобной реакции почувствовал отвращение и они после этого отдалились друг от друга... что ж, наверное, так тому и быть.

Однако тот, кто смог разглядеть Фан Цзиня с первого взгляда, в конце концов не упустил бы его... Наверное.

Глядя на серьезное лицо Ань Цзыцзэ, Фан Цзинь какое-то время просто не знал, что и сказать. Но испытанное в груди тепло и душевный покой были совершенно реальными.

— Мм, — тихо отозвался он, глядя куда-то вдаль отрешенным взглядом.

Непонимание

Бум!

— Эй, осторожнее!

Возможно, резкий звук еще не успел до конца дойти до сознания Фан Цзиня, но его уши почему-то отчетливо уловили нечто иное — рассекающий воздух свист.

Причем этот свист приближался с невероятной скоростью, и целью, судя по всему, была его собственная голова.

— Фан Цзинь! — испуганно завопил стоявший рядом парень, а сам Фан Цзинь от неожиданности замер.

В тот же миг чья-то сильная рука резко дернула его в сторону, уводя с прежнего места, и потерявший равновесие Фан Цзинь всем телом рухнул на Ань Цзыцзэ, еще долго не в силах прийти в себя.

А в следующее мгновение тяжело свистнувший баскетбольный мяч пролетел в считанных сантиметрах от уха Фан Цзиня и со страшным, глухим стуком врезался в землю.

Внутри Фан Цзиня царил полный ступор.

Какого черта... это еще что такое?

Фан Цзинь тут же отпрянул от плеча Ань Цзыцзэ. Его взгляд опасно сузился, он резко развернулся, подхватил с земли мяч и вперил тяжелый взгляд в ту самую компашку, что якобы не умела играть в баскетбол.

Фан Цзинь был по-настоящему взбешен. Тот мяч явно летел целенаправленно — он стоял на большом расстоянии от площадки, к тому же на возвышении, так что вероятность того, что мяч случайно угодит в него, равнялась почти нулю. От этой мысли взгляд Фан Цзиня стал еще холоднее. Хотя он никак не мог взять в толк, зачем кому-то делать подобное: пусть в сюжете прежний хозяин тела и совершал дурные поступки, если разобраться, он никогда по-настоящему не наживал врагов и не ввязывался в грязные разборки (за исключением главных героев). Во всем этом не было никакого смысла.

Фан Цзинь посмотрел в сторону баскетбольной площадки и действительно увидел, что те самые парни смотрят в их сторону. Некоторые выглядели искренне удивленными, но на лицах других читалось досадное разочарование от того, что цель не была достигнута.

Цель не была достигнута?

Раз уж прежний хозяин тела не натворил никаких бед — или, по крайней мере, еще не успел их натворить, — то этот инцидент, судя по всему, направлен не против него. А значит... оставался только один вариант.

Обдумав подобный расклад, Фан Цзинь не удержался и скосил глаза, бросив взгляд на внешне

спокойного, но в глубине души пылающего яростью Ань Цзыцзэ.

Будучи старожилом этого учебного заведения, тот, конечно же, знал гораздо больше новичка Фан Цзиня.

Сам по себе Ань Цзыцзэ был неплохим парнем и редко затевал конфликты первым, но даже при всем желании избежать неприятностей нельзя было помешать отдельным личностям предаваться безумным фантазиям.

Тем, кто руководил этим броском, оказался человек, хорошо знакомый с Ань Цзыцзэ. Если быть точнее, звали его Чжан Кай. Будучи вторым сыном в семье Чжан, он приходился Ань Цзыцзэ другом детства — они росли вместе с малых лет.

Но сколь прочными ни казались бы узы, они редко выдерживают безжалостную проверку временем, постепенно истончаясь и исчезая без следа.

В детстве отношения Чжан Кая и Ань Цзыцзэ были вполне неплохими. Однако по мере того, как они выросли, выдающиеся успехи Ань Цзыцзэ и никчемность самого Чжан Кая образовали слишком резкий контраст. Чжан Кай, от природы обладавший гордым и упрямым характером, никак не мог с этим смириться, тем более что дома вечно зудели: «А вот посмотри на Ань Цзыцзэ...»

Со временем досада и стыд Чжан Кая постепенно переродились в зависть, ревность и ненависть. Он начал придирается к Ань Цзыцзэ при каждом удобном случае.

Сперва Ань Цзыцзэ не обращал на это внимания, но выходки Чжан Кая становились все безумнее, и терпеть их дальше он не собирался. В итоге ситуация приняла тот вид, который они имели сейчас.

Поначалу, увидев, что мяч едва не угодил в человека, Чжан Кай испытал укол совести. Но заметив, с какой близостью Ань Цзыцзэ возится с этим парнем, остатки угрызений совести тут же испарились. Напустив на себя привычное заносчивое выражение лица, он в упор уставился на Ань Цзыцзэ — в его понимании Фан Цзинь осмеливался так на них пялиться исключительно по указке самого Ань Цзыцзэ.

Зрение у Ань Цзыцзэ было отменным, поэтому он легко заметил перемену в выражении лица Чжан Кая, и в его глазах мелькнул темный блеск.

А вот у Фан Цзиня со зрением дела обстояли хуже. Хотя прежний хозяин тела учился недолго, он вечно пялился в экран телефона, так что зрение изрядно испортилось. Естественно, он не мог, подобно Ань Цзыцзэ, подметить каждую мелочь. На взгляд Фан Цзиня, эта компашка сопливых пацанов вела себя совершенно невоспитанно: чуть человека не покалечили, а даже не удосужились извиниться. Чему только их родители учили?

Простите Фан Цзиня, но его психологический возраст был лет на десять больше, чем у всех собравшихся здесь. В его глазах эти студенты выглядели просто незрелыми малолетками.

От этих мыслей лицо Фан Цзиня помрачнело еще сильнее. Но прежде чем он успел высказать свое недовольство, сопливые пацаны напротив первыми не выдержали.

— Эй, вы там, киньте мяч сюда!

На лбу Фан Цзиня мгновенно проступила огромная сеточка вен. Ну и бестолковые же сорванцы.

Не успел Фан Цзинь и слова сказать, как Ань Цзыцзэ дернул его за руку, притягивая к себе.

Фан Цзинь приподнял бровь, но промолчал. В сгибе его локтя по-прежнему покоился тот самый едва не ставший орудие травмы мяч.

Ань Цзыцзэ с влажным видом шагнул прямо к одному из парней — тому самому, который запустил мяч и так нагло потребовал вернуть его обратно.

— Извинись.

Голос Ань Цзыцзэ сочился ледяным холодом. Фан Цзинь невольно удивился: как можно заставить человека похолодеть одним лишь голосом? Это что, какая-то сверхспособность?

<http://bllate.org/book/22173/2309933>